

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Калитвянский

ВОЗЧИК

Виктор Иванович Калитвянский

Возчик

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54166507
SelfPub; 2024*

Аннотация

Зима 1938 г. Райцентр в Сибири. В НКВД приезжает новый начальник – женщина. В райотделе – две с половиной боевые единицы: ветеран Петренко, заставший царскую полицию, его воспитанник Семёнов да возчик. По мнению новой начальницы, местная власть погрязла в текучке. В то время как по стране тюрьмы ломаются от врагов народа, в райотделе – лишь один арестант. Новая начальница намерена исправить эту ошибку. Кроме того, она хочет найти бывшего станового пристава: тот до революции расстрелял рабочую демонстрацию, пропал в 1918 году, а теперь, по слухам, объявился в округе... Начальница начинает действовать и находит крамолу под самым носом первого секретаря райкома... Она успевает найти станового пристава, вернее, его призрак, получить благодарность – перед тем как самой попасть в жернова той мельницы, которая без устали перемалывает врагов...

В книге помещены фотографии Ольги Полонниковой с премьеры спектакля "Возчик".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Действующие лица	4
Сцена 1	5
Сцена 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктор Калитвянский

Возчик

Действующие лица

Семёнов – сотрудник НКВД, около 40

Петренко – сотрудник НКВД, около 60

Ковтун – уполномоченный НКВД, женщина лет 35

Секретарь (райкома) – за 40

Председатель (райсовета) – около 50

Возчик – неопределённого возраста

Шофёр – около 40

Анька – около 30

Второй секретарь (райкома) – около 40

Жена (второго секретаря) – около 40

Сцена 1

Большая комната в старом деревянном доме – райотделе НКВД.

Справа – лестница в подвал. В центре – двустворчатая дверь. Слева – маленькая дверь. Между двумя дверями – старый шкаф. На стене, между большой дверью и лестницей в подвал – портрет Сталина.

В центре – большой стол и две длинные лавки. Слева – стол поменьше, два стула.

За маленьким столом сидит Петренко, возится с бумагами.

Раздаётся выстрел. Петренко вздрагивает, смотрит в сторону лестницы, качает головой. Берёт папку с бумагами, идёт к шкафу, открывает дверцу. Раздаётся скрип.

ПЕТРЕНКО. Господи ты боже мой...

Вздыхает, ставит папку в шкаф. Тянется к дверце и осторожно её закрывает. Дверца не скрипит.

Идёт к столу. Снова берётся за бумаги.

На лестнице из подвала появляется Семёнов. Лестница под его тяжёлыми шагами постанывает. Семёнов садится за большой стол, растёгивает ворот гимнастёрки. Сидит, постукивая сапогом.

СЕМЁНОВ. Вот сука...

ПЕТРЕНКО. Ты чего палил?

СЕМЁНОВ. Ничего!

ПЕТРЕНКО. Неужто ты его?..

СЕМЁНОВ. Не бойсь. Живой... Я так. Попугать.

ПЕТРЕНКО. Ну чего к нему пристал? Пусть человек отдыхает. Сколько ему жить-то осталось – одному богу известно.

СЕМЁНОВ. Мне известно. Мне! Вот начальник вернётся из Иркутска, так он часу не проживёт, сучье племя!

Пауза.

ПЕТРЕНКО. Только что-то долгонько его нет. Начальника-то.

СЕМЁНОВ. Думаешь, его тоже... *(Делает неопределённое движение.)*

ПЕТРЕНКО. Ничего я не думаю. Просто долго нету. *(Кладёт бумаги в папку и завязывает тесёмки.)*

СЕМЁНОВ. А тебе бы только бумажку подшить.

ПЕТРЕНКО. А это не просто бумажки. *(Встаёт, идёт к шкафу).* Правильно оформленная бумага – это порядок. Когда порядок в бумагах, порядок и в государстве. *(Тянет дверцу, раздаётся скрип).* Чтоб ты провалилась!

СЕМЁНОВ. Скрипит, гадина. Веретённого масла надо

капнуть.

ПЕТРЕНКО (*ставя папку на полку*). Надо. Да где ж его
взять.

СЕМЁНОВ. Как михеевскую лавку прикрыли в тридцать
втором, так больше веретённого не видали. (*Пауза*). Надо са
лом помазать, медвежьим... Налей.

*Петренко достает из шкафа стакан и штоф, наливает.
Осторожно, без скрипа, прикрывает дверцу.*

Приносит стакан Семёнову. Тот одним махом выпивает.

Порядок, говоришь... Ну, ну.

ПЕТРЕНКО (*чуть раздражённо*). Что – ну-ну? Опять ты за своё?

СЕМЁНОВ. А ты как думал? Кто из нас двоих должен быть бдительный?

ПЕТРЕНКО. Мы оба должны быть бдительные.

СЕМЁНОВ. Ну да. Только я – больше. Сам знаешь – почему.

ПЕТРЕНКО. Ты это брось. Я про порядок... Порядок – он что при капитализме, что при социализме... Товарищ Ленин что говорил? Социализм – учёт и контроль. А что такое учёт и контроль? Это и есть порядок.

СЕМЁНОВ. Да?

ПЕТРЕНКО. Да! Написано в статье... (*Хмурится, пытается вспомнить*). В общем, в одной известной статье.

СЕМЁНОВ. Ну вот. Забыл. Опять же, непонятно почему забыл. Может, потому что старый стал, а может – ещё почему-то? А?

ПЕТРЕНКО. Опять ты за своё...

СЕМЁНОВ. Ты гляди у меня, забывчивый!.. Насквозь я тебя вижу, старый хрен. Ты одну особую бумажку, гляди, не потеряй со своим порядком... На которой две подписи стоят. И третью ждут. Не забыл?

ПЕТРЕНКО. Помню.

СЕМЁНОВ. Как начальник на порог, так сразу – третья подпись... Тогда я его и кончу.

Оба смотрят в сторону лестницы.

ПЕТРЕНКО. Ты бы не палил попусту. А то не дай бог, зацепишь кого. Забыл, как нашего Колчака подстрелил?

СЕМЁНОВ. Ишь ты, собачонку пожалел. А может, он за дело пролетариата погиб, а? *(Пауза.)* Лучше бы ты тех людейшек жалел, которых твои дружки расстреливали...

ПЕТРЕНКО. Ей-богу, что ж ты каждый раз поминаешь-то? Столько лет прошло.

СЕМЁНОВ *(похлопав себя по левому плечу)*. А меня поминалка есть. Как погода на перемену, так я вспоминаю, как вы по народу шмоляли и как я чуть не отдал... чуть не погиб.

ПЕТРЕНКО. Ребята же поверх голов стреляли. Тебя-то кой чёрт понёс на ту сосну?

СЕМЁНОВ. Ага, меня, значит, случайно зацепило. А десятков мужиков?

ПЕТРЕНКО. Ну что ты врёшь? Трое молодых со страху пальнули – в божий свет, как в копеечку. Задело кого-то. Ну и тебя...

СЕМЁНОВ. Кого-то. Не кого-то, а – народ.

ПЕТРЕНКО. Ну да, ты у нас – народ.

СЕМЁНОВ. А кто же я по-твоему? Или, может, народ у нас – ты? Чего молчишь? *(Пауза.)* Вот и выходит – народ расстреливали. А кто приказ отдавал? *(Смотрит на Петренко. Петренко молчит.)* Твой дружок, становой пристав.

ПЕТРЕНКО. Сколько раз тебе говорят, не дружок он мне. Он был начальник, а я – служащий.

СЕМЁНОВ. Служащий... Ишь ты. Помощник станового пристава.

ПЕТРЕНКО. Хватит тебе. Я всю жизнь агентурой занимался. А это при всех властях требуется. И вообще...

СЕМЁНОВ. Что – вообще?

ПЕТРЕНКО. Совести у тебя нет, вот что. Я ж тебя, дурака, вот на этих руках сюда принёс. И возился с тобой, пока фельдшер мужиков пользовал.

СЕМЁНОВ. И что?

ПЕТРЕНКО. А ничего.

Пауза.

СЕМЁНОВ. А может, потому ты здесь и сидишь, живой да здоровый, бумажки свои перебираешь, что я помню... А? *(Они смотрят друг на друга. Петренко машет рукой).* Тот-то. *(Пауза).* Говорят, его опять видали.

ПЕТРЕНКО. Кого?

СЕМЁНОВ. Сам знаешь, кого.

ПЕТРЕНКО. А, ерунда. Небось, Васька-дурачок?..

СЕМЁНОВ. Что у Васьки на языке, у других на уме.

ПЕТРЕНКО. Двадцать лет прошло, как он пропал.

СЕМЁНОВ. И что? Могилы – нет. И трупа – нет.

ПЕТРЕНКО. Попусту болтают.

СЕМЁНОВ. А только вот описывают его, словно бы живёхонького.

ПЕТРЕНКО. Ты сам Ваську в смущенье вводишь. Он со страху чего только не выдумает.

СЕМЁНОВ. Может, и так. А может, и нет.

Распахиваются обе дверные створки. Входит женщина в чёрном пальто и с саквояжем – Ковтун.

КОВТУН. Кто здесь старший?

Семёнов и Петренко переглядываются.

ПЕТРЕНКО. Он.

СЕМЁНОВ. Я.

Ковтун протягивает Семёнову бумагу.

СЕМЁНОВ (*читает*). Управление НКВД по Иркутской области... направляется... товарищ Ковтун...

КОВТУН. Это я.

ПЕТРЕНКО. А начальник наш... Не будет его?..

КОВТУН. Я теперь ваш начальник.

СЕМЁНОВ (*вставая*). Ага... Присаживайтесь, товарищ... (*Смотрит в бумагу*). Товарищ Ковтун.

Ковтун растёгивает пальто, садится на лавку за большой стол, ставит рядом саквояж.

КОВТУН. Весь наличный состав?

СЕМЁНОВ. Ещё возчик есть.

КОВТУН. Арестованные?..

СЕМЁНОВ. В подвале. Как положено.

КОВТУН (*оглядывая помещение*). Старая постройка. Дореволюционная?

СЕМЁНОВ. Так точно.

Кивает на Петренко. Ковтун смотрит на Петренко.

ПЕТРЕНКО. Полицейская часть занимала...

КОВТУН. А ты там служил, верно?

ПЕТРЕНКО. Верно.

КОВТУН. Так это при тебе был тот самый расстрел рабочих на мосту?

СЕМЁНОВ. А как же! При нём. То есть, при нас.

КОВТУН. При вас?

СЕМЁНОВ. Ну да. Он в полиции служил, а я, значит, малолетний. Одиннадцать годов. На сосну залез, поглядеть, чего там мужики у моста собрались. А как они (*кивает на Петренко*) по народу шмолять стали, тут и мне досталось...

ПЕТРЕНКО. Сколько раз я тебе говорил: поверху голов стреляли!

СЕМЁНОВ. Вот, в плечо долбануло, прямо по кости пуля шмыгнула. Иной раз так ломит, спасу нет.

КОВТУН. А кто приказ отдавал?

СЕМЁНОВ. Ясное дело, кто. Становой. Пристав.

КОВТУН. Тот самый, который пропал в восемнадцатом году?

Пауза. Ковтун смотрит на Петренко. Петренко и Семёнов – на Ковтуна.

СЕМЁНОВ. Тот самый. Ни трупа, ни могилы. Вот, в этом подвале сидел. Утром пришли, а его и след простыл. С тех пор никто не видал. Окромя Васьки-дурачка.

Пауза.

КОВТУН (*глядя на Петренко*). Так говоришь, приказ был – поверх голов?

ПЕТРЕНКО. Поверх.

КОВТУН. А как же убитые?

ПЕТРЕНКО. Один был убитый. А два трупа с прииска притащили. Следствие установило.

СЕМЁНОВ. Может, с прииска, а может, и нет.

ПЕТРЕНКО. Трое было новобранцев, без году неделя. Мужики стеной попёрли, у них руки-то и затряслись. Несчастный случай.

СЕМЁНОВ. Может, и несчастный. А может, и нет.

КОВТУН (*Петренко*). А может, это ты приказ отдал?

ПЕТРЕНКО. Я? Господь с вами.

Поднимает руку – перекреститься, но – опускает. Ковтун улыбается.

СЕМЁНОВ. Да нет. Он по агентуре всегда работал. Это он меня сюда приволок и перевязал... Ну, когда меня подстрелили. Он по агентуре, Петренко-то наш...

КОВТУН. Ладно, разберёмся.

СЕМЁНОВ (*решительно*). Товарищ Ковтун, тут вопрос есть... Важный.

КОВТУН. Какой вопрос?

СЕМЁНОВ (*Петренко*). Протокол давай!

Петренко медлит, глядя на Ковтун.

КОВТУН. Что за протокол?

СЕМЁНОВ. Решение тройки. Две подписи есть. Прокурор и секретарь райкома. А начальника нашего в Иркутск вызвали... ну, вы знаете. И он забыл подписать. Такая вот хреновина.

КОВТУН (*Петренко*). Где протокол?

Петренко идёт к шкафу. Открывает дверцу. Раздаётся

скрип.

СЕМЁНОВ. Вот зараза! Скрипит. Веретённого масла не можем достать.

Петренко снимает папку с полки, достаёт бумагу, подходит к Ковтун.

КОВТУН. По агентуре, говоришь? Это хорошо.

Читает протокол. Семёнов подносит чернильницу и ручку. Ковтун берёт ручку и подписывает.

СЕМЁНОВ. Разрешите, товарищ Ковтун, исполнить приговор трудового народа?

КОВТУН (*внимательно глядя на Семёнова*). Разрешаю.

Семёнов кивает, пятится два шага, поворачивается и быстро спускается по лестнице в подвал.

КОВТУН. Он всегда такой?.. Не терпится ему – всегда?

ПЕТРЕНКО. Да нет.

КОВТУН. А этот чем ему насолил?

Пауза.

ПЕТРЕНКО (*неохотно*). Болтают... Не поделили они... ну, по женской части.

КОВТУН (*улыбаясь*). Понятно.

Открывает саквояж, достаёт склянку, капает себе на ладони. Протирает руки платком.

Раздаётся выстрел.

Петренко поднимает руку, но – опускает.

КОВТУН. Сколько у вас арестованных?

ПЕТРЕНКО. Один. То есть... теперь – ни одного.

КОВТУН. Один? *(Качает головой)*. Работнички. Ладно, разберёмся.

КОНЕЦ 1-ой СЦЕНЫ

Сцена 2

За большим столом сидят Ковтун, Секретарь, Председатель. За малым – Семёнов и Петренко.

КОВТУН. Я гляжу, вы здесь увязли в текучке, перспективы не видите.

СЕКРЕТАРЬ. Почему же мы не видим?..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А текучка – это наша работа и есть.

КОВТУН. У вас в НКВД всего один арестованный сидел.

Смотрит в сторону малого стола. Секретарь и Председатель тоже смотрят в сторону малого стола. Семёнов кашляет, Петренко озабоченно обмакивает перо в чернильницу.

СЕКРЕТАРЬ. Почему один? Было больше. Сколько мы, Семёнов, разоблачили врагов за год?

СЕМЁНОВ (*глядя в бумажку, которую ему подкладывает Петренко*). Выявлено и разоблачено сто семь явных и скрытых врагов.

КОВТУН. Сто семь за год? Надо сто за месяц!

Секретарь и Председатель переглядываются.

СЕКРЕТАРЬ. Мы уже принимали встречные обязательства по разоблачению. У нас был план – семьдесят, мы приняли встречный на девяносто, а получилось – за сто...

СЕМЁНОВ. Сто семь.

КОВТУН. Сколько расстрельных?

СЕМЁНОВ (*глядя в бумажку*). Высшая мера социальной защиты... восемнадцать человек... Остальные осуждены на различные сроки...

КОВТУН. Негусто!

СЕКРЕТАРЬ. Начальник райотдела... тот, что до вас... он в Иркутск уехал.

КОВТУН. Понюхать, куда ветер дует?

СЕКРЕТАРЬ. Может, и так. Уехал и не вернулся.

КОВТУН. И вы теперь сидите и ждёте. Сложа руки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*кашлянув*). Надо принять во внимание, товарищ уполномоченный... уполномоченная... У нас ведь не Иркутск. У нас людей мало. Полчеловека на квадратный километр.

СЕКРЕТАРЬ. Да, в общем. Мало людей, верно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Людей мало, а планы надо выполнять. Прииск, кирпичный завод. Разрез угольный. Да лесопилка.

СЕКРЕТАРЬ. Да. Большое хозяйство.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обстановка сложная. Народ у нас... в тайге неделями бродят. Никого не боятся. Ни волка, ни медведя.

КОВТУН (*улыбаясь*). А советскую власть они боятся?

Секретарь и Председатель снова переглядываются.

СЕКРЕТАРЬ. А чего её бояться, советскую-то власть? Она родная трудовому народу. Это пусть её бояться всякие недобитки, да диверсанты, да предатели.

КОВТУН (*улыбаясь, в сторону малого стола*). Верно, товарищи?

СЕМЁНОВ. Так точно, пусть бояться.

Петренко с озабоченным видом обмакивает ручку в чернильницу.

Ковтун поднимается, делает несколько шагов по комнате.

КОВТУН. Прииск, разрез, лесопилка...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И кирпичный завод!

КОВТУН. Да, и кирпичный завод. И люди, которые ни волка, ни медведя не боятся. Полчеловека на квадратный километр.

СЕКРЕТАРЬ. Всё верно, так и есть. Вы верно поняли обстановку.

КОВТУН. Спасибо, товарищ секретарь. Только у меня к вам вопрос. Что будет, если этот полчеловека на квадратный километр – враг?

Секретарь и Председатель явно хотели переглянуться, но – сдержались.

СЕКРЕТАРЬ. Это шутка?

КОВТУН. Шутка. А вот без шуток: что будет, если этот человек, который у вас один на два квадратных километра, – враг? А если этот враг – директор кирпичного завода? Или – прииска? Или – тот, который на лесопилке? Или – ваши заместители? У вас ведь есть заместители?

Ковтун стоит перед столом и смотрит в лица сидящим, переводя взгляд с одного на другое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*тряхнув головой*). Да, у нас есть заместители.

СЕКРЕТАРЬ. Только они все проверены-перепроверены. Верно, Семёнов?

СЕМЁНОВ. Так точно.

Ковтун с улыбкой смотрит на Председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что вы так улыбаетесь, товарищ уполномоченный?.. Уполномоченная...

КОВТУН. Проверены-перепроверены...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*вскакивая*). Вы это бросьте!..

СЕКРЕТАРЬ (*дергая его за руку*). Тихо, тихо!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да что тихо, ети твою мать! Она намекает на то, что в тридцать четвёртом году я две недели в этом вот подвале просидел. (*Машет в сторону лестницы*.) Да, арестовывали! Разобрались и выпустили!

КОВТУН. Вот и хорошо. Разобрались же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И не надо меня запугивать!

СЕКРЕТАРЬ. Тихе, тихе...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я свои задачи знаю. Пусть каждый занимается своими задачами.

СЕКРЕТАРЬ. Спокойно, товарищи. Мы должны работать в тесной связке. Как учит нас партия. Партийные органы, исполнительные органы, специальные органы – это просто разные руки одного и того же организма. И одна рука должна знать, что делает другая... А чего вы опять улыбаетесь, товарищ уполномоченный?

КОВТУН. А у вас три руки получилось, товарищ секретарь. Словно у какого-то языческого бога.

СЕКРЕТАРЬ. Бога? Да нет, какой там бог... Зарапортовался.

СЕМЁНОВ. А что, товарищ секретарь, может, оно и правильно. У обычной власти, какой-нибудь власти буржуазных эксплуататоров, две руки, а у нашей родной советской – пусть будет три. Так оно надёжней.

СЕКРЕТАРЬ. Надо же... Ну ладно. Три так три. Одним словом, надо работать в связке и не допускать, чтоб нас могли *(делает рубящий жест)* разорвать в разные стороны. Согласны?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Само собой.

КОВТУН. И я согласна. Только вот...

СЕКРЕТАРЬ. Что?

КОВТУН. Неувязка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какая неувязка?

КОВТУН. А вот какая, товарищ председатель. По всей стране идёт беспощадная борьба с врагами советской власти, а у нас тишь да гладь, да эта самая буржуазная благодать.

СЕКРЕТАРЬ. Буржуазная?

КОВТУН. А какое слово тут годится? По всей стране тюрьмы ломаются от врагов советской власти, а у вас в районе – нет врагов? Вы отдаёте себе отчёт, какая картина вырисовывается?

Пауза.

СЕКРЕТАРЬ. Но ведь мы выявили сто семь человек...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А у нас населения – три с половиной тысячи.

КОВТУН (*улыбаясь*). Вы хотите сказать, товарищ председатель исполкома, что нужно выдерживать процентную норму? И что если враги будут превышать эту вашу норму, мы должны оставить врагов в покое? Пусть враги делают свою вражескую работу, потому что товарищ председатель исполкома установил процентную норму...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да что ты там несёшь? Кто ты такая?

СЕКРЕТАРЬ. Тихо, тихо.

КОВТУН. Кто я такая? Я уполномоченный Иркутского НКВД. Начальник вашего райотдела. В мои обязанности

входит беспощадная борьба с врагом на вверенной мне территории. И я буду вести эту работу, невзирая ни на какие трудности, ни на какие нормы, ни на какие частные мнения. И я напоминаю вам... борьба с врагом – это также и ваша первейшая обязанность. Я даже не знаю, что важнее, борьба с врагом или партийная работа, советская работа. Потому что ведь если проглядеть, не выявить врага, не будет никакого толку ни от партийной, ни от советской работы.

Секретарь и Председатель переглядываются. Семёнов смотрит на Петренко, тот внимательно разглядывает кончик пера.

СЕКРЕТАРЬ. Вы, товарищ уполномоченная, не увлекайтесь... Органы сегодня играют важную роль... Но не надо принижать роль партийных и советских органов. И кадры... не надо излишне... врагов надо выявлять, а кадры надо пестовать... Нас тут, проверенных кадров, не так уж много. Вот, товарищ председатель исполкома. Двадцать пять лет живёт здесь после ссылки, так и не вернулся на свой Урал. Партизанил. Казаки брали в плен, пытали. Вот здесь же, в подвале... Бежал, снова партизанил...

КОВТУН (*улыбаясь*). Бежал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*вскидываясь*). Да, бежал!

СЕКРЕТАРЬ. Тихо, тихо.

КОВТУН. Как же удалось?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А я охрану распропагандировал. Двое со мной в лес ушли. Понятно?

КОВТУН. Понятно. Распропагандировал.

СЕКРЕТАРЬ. Потомна советской работе до сих пор. Или вон Семёнов. Пострадал от царского режима, исполняет важнейшую, труднейшую работу...

КОВТУН. И вы, товарищ секретарь...

СЕКРЕТАРЬ (*настороженно*). А что я?..

КОВТУН. Вы ведь тоже ценный кадр. Двадцать лет партийной работы – не шутка. Вот, правда, уклоны. Сначала левый, троцкистский...

СЕКРЕТАРЬ. Мы спорили, шла общепартийная дискус-

сия...

КОВТУН. А потом правый, в двадцать девятом...

СЕКРЕТАРЬ. Это просто колебания... Кратковременные!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы, товарищ уполномоченный...

КОВТУН. Что я?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы что подделывали при царском режиме?

Пауза.

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ уполномоченная при царском режиме, наверно, в гимназию ходила...

Пауза.

КОВТУН. Вы хотите сказать, что возраст и прежние заслуги – гарантия от ошибок или предательства? Вам напомнить фамилии?... Примерно вашего возраста... Напомнить?

СЕКРЕТАРЬ. Не надо. Все знают.

КОВТУН. Вот и хорошо. Что все знают. (*Пауза.*) А борьбы с врагом хватит на всех... Верно?

СЕКРЕТАРЬ. Верно! Я же говорил, что мы должны быть... как один кулак! Вот! (*Потрясает сжатым кулаком, потом озабоченно смотрит на часы.*) Ну что, Николай, надо ехать... Рад был познакомиться.

Секретарь и Председатель идут к двери.

КОВТУН (*уходящим в спину*). Так что, не будем смотреть на процентную норму?

СЕКРЕТАРЬ (*в дверях*). Вот ведь ты какая... Не смотрим, конечное дело, на норму. Смотрим только на то, враг или нет...

КОВТУН. Договорились.

Секретарь и Председатель уходят.

Ковтун садится за стол.

Семёнов и Петренко молчат. Ковтун сидит, глядя в стол.

Семёнов и Петренко встают и уходят в подвал.

Из маленькой двери появляется мужчина неопределённых лет. Он становится возле двери, смотрит перед собой. Губы на лице мужчины непрерывно шевелятся, как если бы он что-то бормотал себе под нос.

КОВТУН (*заметив мужчину*). Ты кто такой? (*Мужчина не отвечает, даже не поворачивает головы, не переставая шевелить губами.*) Чего ты там бормочешь? (*Мужчина не отвечает.*) Ты кто?.. Возчик? (*Мужчина не отвечает, не переставая что-то бормотать себе под нос.*) Понятно... (*Тихо.*) Спятил на перевозке трупов?.. Какие мы чувствительные... (*Громко.*) Давно служишь? (*Мужчина не отвечает.*

Громко.) Станового помнишь? (Возчик перестаёт шевелить губами.) Ага... Пристава знал, возчик?(Возчик поворачивает голову, смотрит на Ковтун. Затем кивает головой и снова отворачивается.) Вот как... Значит, не так уж мы и больны. А как он выглядел, становой? (Возчик не отвечает, принимается снова шевелить губами.) А куда он делся? (Возчик не отвечает.) Мне нужна зацепка, возчик. Понимаешь? Зацепка. Я не верю, что у них тут всё чисто. Этот Петренко... Всю жизнь на агентуре... Допустим. А где материалы? Где отчёты осведомителей? Возчик, слышишь меня? Где материалы Петренко? (Возчик перестаёт шевелить губами.) Где бумаги? В сейфе? (Ковтун встаёт, подходит к шкафу. Тянет дверцу. Та со скрипом отворяется. Достает штоф.) Спирт... А здесь, что? (Громко.) Семёнов! (Возвращается к столу.)

Возчик уходит в малую дверь.

По лестнице поднимается Семёнов.

СЕМЁНОВ. Я здесь, товарищ Ковтун.

КОВТУН. Где вы храните секретные документы?

СЕМЁНОВ *(вздыхая)*. Тут вот какая история... Сейф всё не везут, вот мы и... Начальник разрешил.

КОВТУН. В шкафу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.